

Федор Сологуб

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мелкий бес

*Суеверный учитель-садист, барышня, переодетая гимназистом,
и серая недотыкомка: на фоне мрака русской провинции 1900-х Сологуб
разворачивает историю боли, наслаждения, безумия и красоты.*

альпина
ПРОЗА

ПОЛКА

Главные книги русской литературы (Альпина)

Федор Сологуб

Мелкий бес

«Альпина Диджитал»

1902

Сологуб Ф. К.

Мелкий бес / Ф. К. Сологуб — «Альпина Диджитал»,
1902 — (Главные книги русской литературы (Альпина))

ISBN 978-5-96-149035-0

Суеверный учитель-садист, барышня, переодетая гимназистом, и серая недотыкомка: на фоне мрака русской провинции 1900-х Сологуб разворачивает историю боли, наслаждения, безумия и красоты.

ISBN 978-5-96-149035-0

© Сологуб Ф. К., 1902
© Альпина Диджитал, 1902

Содержание

Предисловие «Полки»	9
Мелкий бес	23
Предисловие автора ко второму изданию	24
Предисловие к пятому изданию	25
Диалог	26
〈Предисловие〉	27
Мелкий бес	28
I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Федор Сологуб

Мелкий бес

Текст печатается по изданию: Сологуб Ф. Мелкий бес. – СПб.: Наука, 2004.

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *Л. Разживайкина*
Корректоры *Е. Аксенова, М. Конопкин*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Соболев А., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблицер», 2023

* * *

Федор Сологуб
Мелкий бес
Роман

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2023

Федор Сологуб. 1910-е годы¹

¹ Федор Сологуб. 1910-е годы. © РИА «Новости».

Предисловие «Полки»

*Суеверный учитель-садист, барышня, переодетая гимназистом,
и серая недотыкомка: на фоне мрака русской провинции 1900-х Сологуб
разворачивает историю боли, наслаждения, безумия и красоты.
Александр Соболев*

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

История умопомешательства гимназического преподавателя изящной словесности Арда льона Борисовича Передонова, описанная в подробностях почти медицинских – от навязчи- вых идей, эротомании, садизма через нарастание галлюцинаций к убийству и полному распаду личности. Главная линия выписана на фоне впечатляющей панорамы неназванного провинци- ального города с тяжелыми картинами угрюмого быта, выразительными сценами обществен- ной жизни и яркими портретами соотечественников. Истинный же смысл книги, по обычаю модернистской прозы, простирается далеко за рамки формальной фабулы: это роман о чело- веческих страстях, боли и наслаждении, поруганной и торжествующей красоте, демонах и обо- ротнях, заговорах и ядовитых травах.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

«Мелкий бес» был задуман в самом начале 1890-х годов, когда Сологуб, как и его герой, служил учителем в гимназии Великих Лук; более того, в роман включены в несколько изме- ненном виде некоторые эпизоды из его преподавательской практики и карикатурные портреты коллег; существовал в действительности и прототип Передонова. Работа над текстом продол- жалась до появления первых глав в печати (1905) и даже позже, до отдельного книжного изда- ния (1907); дальнейшие изменения носили лишь косметический характер.

КАК ОНА НАПИСАНА?

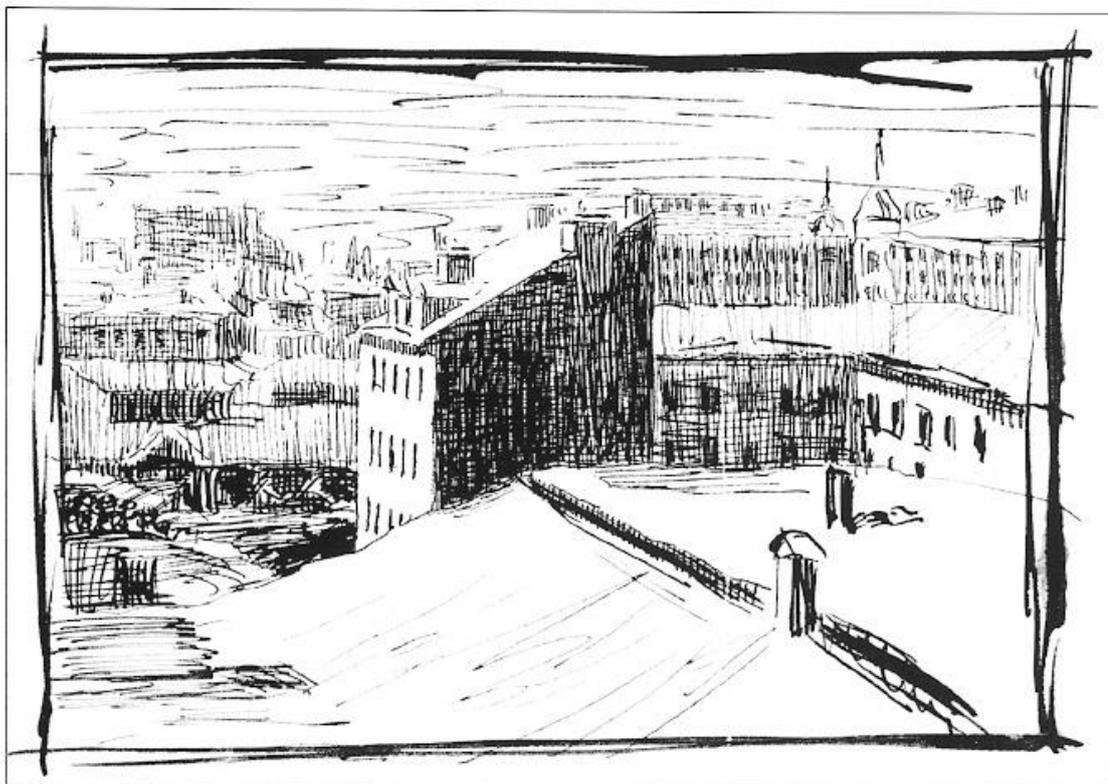
Начинал Сологуб свои работы над крупными вещами всегда одинаково – с заполне- ния карточек размером чуть меньше библиографических (ровно так же – не зная этого – будет несколько десятилетий спустя писать Набоков). На карточках записывались отдельные эпизоды, фрагменты диалогов, некоторые удачные фразы, топонимы и афоризмы. Отдельное место в подготовительных материалах к «Мелкому бесу» занимают выписки из ботанических справочников с названиями и характеристиками растений. На рубеже веков была окончена первая, черновая редакция романа (на рукописи проставлена дата: 19 июня 1902 года).

Предварительная инструкция к чтению романа дается в первом же его абзаце: нарисо- вав в нескольких кратких фразах благостную сцену из городской жизни, автор подытоживает ее репликой: «Но все это только казалось». В дальнейшем повествовании шаткость незыбле- мых внешне явлений и предметов будет устойчиво демонстрироваться от главы к главе, при- чем сущее будет туманиться не только в больном воображении Передонова, но и в здоровом сознании читателя. При этом «Мелкий бес», как и любое значительное произведение, готов к диалогу с каждым: простодушный современник видел в нем острую сатиру на гимназическую косность и реакционную природу министерства просвещения, искушенный декадент прочи- тывал там откровенную проповедь имморализма в ницшеанском изводе, а нынешний специа- лист по гендерным исследованиям легко обнаружит в тексте приметы эротической утопии – и все они будут абсолютно правы.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

«Мелкий бес» завершает классическую русскую прозу, а его главный герой – нежизне- способная помесь Печорина с Акакием Акакиевичем, так что говорить о точечных влияниях на него непросто. Исследователи весьма убедительно находят в тексте следы чтения Эмиля

Золя, Жорис-Карла Гюисманса, Оскара Уайльда и других – но этот список принципиально открыт и явно может быть продолжен. В свое время в газетах активно муссировалось обнаруженное непримиримым к модернистам критиком Редько заимствование, сделанное Сологубом из – не второстепенного даже, а третьестепенного – писателя Викторьена дю Соссе. Сологуб комментировал это вполне невозмутимо: «Я когда что-нибудь воровал – никогда печатно не указывал источников. То есть не делал примечаний такого рода: украдено – у того-то. И забавно, что меня не могли уличить в плагиате. Только один раз уличили». При этом роман насквозь литературоцентричен: в нем, как в «Пиковой даме», оживают карты, как в «Братьях Карамазовых», кусаются мальчишки, как в «Гамлете», соглядатая убивают за обоями – и так далее. Особняком стоит череда сюжетных и текстуальных переключек с романом Достоевского «Бесы». Чтобы обезоружить потенциального зоила², один из важных источников – чеховский «Человек в футляре» – назван прямо в тексте; его обсуждает «светская барышня» Адаменко (один из немногих условно положительных героев) и ближайший друг Передонова Володин, которому предстоит быть убитым в финале.

Мстислав Добужинский. Матятин переулоч. 1900-е годы. В этом петербургском переулочке провел детство Федор Сологуб³

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

К моменту, когда роман был закончен, главный журнал ранних символистов «Северный вестник», где Сологуба охотно привечали и печатали, уже закрылся. Попытки поместить «Мел-

² Зоил (около 400–320 годов до нашей эры) – древнегреческий философ, оратор. Прославился неотступными нападками на Гомера. Его имя стало нарицательным, означает завистливого, желчного и мелочного критика.

³ Мстислав Добужинский. Матятин переулоч. 1900-е годы. ИРЛИ.

кого беса» в одном из многочисленных толстых журналов либерального направления были тщетны («Образование» отвергло; «Наблюдатель» не отвечал). Мотивировки отказа нам неизвестны – было ли дело в своеобразии творческой манеры или в рассыпанных по тексту многочисленных шпильках, чувствительных для народнического сердца: так, Передонов держит на видном месте собрание сочинение Писарева, чтобы подчеркнуть широту взглядов; ссылает портрет Пушкина в отхожее место за то, что тот был камер-юнкером, а на его место вешает изображение Мицкевича, etc. В 1903-м или 1904 году Сологуб предлагал роман своим литературным союзникам и близким друзьям Мережковскому и Гиппиус для их свежесозданного журнала «Новый путь», но, убоявшись цензуры (которая читала журнал с удвоенной придирчивостью) и не располагая достаточными средствами, чтобы выплатить запрошенный автором гонорар, они его отвергли. По странной иронии судьбы первые главы «Мелкого беса» были напечатаны практически в том же «Новом пути», когда он, перейдя в другие руки, сменил название и сделался «Вопросами жизни» – но до конца эта публикация доведена не была из-за преждевременного закрытия журнала. В 1904 и 1906 годах Сологуб последовательно обращался в три главных символистских книгоиздательства – «Скорпион», «Гриф» и «Золотое руно» – и отовсюду получал отказы. В результате отдельное издание появилось лишь в 1907 году под маркой литературно-аполитичного «Шиповника» – и мгновенно сделалось бестселлером.

Федор Сологуб с женой Анастасией Чеботаревской. Начало XX века⁴

Отдельную трудность на пути к читателю составляли отброшенные позже главы, в которых описывался визит в город столичных знаменитостей – писателей Сергея Тургенева и Шарика. В них без труда узнавались входящий в славу Максим Горький и его приятель и литературный союзник поэт Скиталец. Ссориться с крайне влиятельным Горьким в журнальном мире мало кто мог бы рискнуть – так что по этим или по иным соображениям вся эта сюжетная линия была изъята из романа. Соответствующие главы Сологуб опубликовал только в 1912 году, когда его собственному положению в литературе уже ничего не угрожало. Горький немедленно ответил грубоватой сказкой, в которой изобразил Сологуба и его жену Анастасию Чеботаревскую под именем поэта Смертяшкина и Нимфодоры Завальяшкиной.

⁴ Федор Сологуб с женой Анастасией Чеботаревской. Начало XX века. © akg-images / East News.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Многие лица, биографически близкие автору, были знакомы с романом задолго до его публикации: Сологуб охотно давал рукопись романа, а после безвременного окончания «Вопросов жизни» читал главы, не вошедшие в состав журнальной публикации, на своих литературных суаре. Общий тон отзывов литераторов ближнего круга был весьма благожелательным – известны положительные рецензии Лидии Зиновьевой-Аннибал и Георгия Чулкова. Впрочем, в рецензии заведомо дружественного журнала «Весы» сквозило некоторое недоумение (за что редакция вынуждена была извиняться перед патологически обидчивым автором): «Мелкий Бес г. Сологуба, в смысле проявления его в жизни масс, вышел бледен и мало заметен. Попытки автора пропустить сноп рентгеновских лучей в темные дебри отдельных мертвых душ подобны мимолетным, случайным психологическим экскурсиям, как случайны и мимолетны посещения уездного “олимпа” его героем, Передоновым. Его массовые сцены, в роде описания маскарада в общественном клубе, – законченные в себе страницы незаурядной художественной ценности, написанные меткой и смелой рукой, но в их самодовлеющей законченности и роковая для автора обособленность их от того, что составляет центральный момент произведения в целом». Истинное значение романа сделалось понятным только некоторое время спустя.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

«Мелкий бес» радикально изменил судьбу автора: благодаря умело составленному договору с издателем он получал половину чистой прибыли от продажи книги, тираж которой в первые два года перешагнул за десять тысяч экземпляров (число, беспрецедентное для символистской прозы). В ближайшие годы роман был переведен на немецкий, итальянский, английский, испанский, французский и финский языки. Уволенный из Андреевского училища после многих лет беспорочной службы по педагогическому ведомству Сологуб не возвращался более на службу и в дальнейшем существовал исключительно литературным трудом. Главному герою «Мелкого беса» суждена была долгая жизнь: автор сам переделал роман в одноименную пьесу, которая с успехом шла на московской и провинциальной сцене; в 1916 году по «Мелкому бесу» снимался фильм, но в работе над его сценарием автор участия не принимал. Более того, Передонов появится на обочине еще одного сологубовского романа – «Творимой легенды», причем выяснится, что княгиня Волчанская, протекции которой он ждет в «Мелком бесе» и которую читатель готов признать порождением его горячего разума, все-таки существовала – и именно благодаря ей Передонов был выпущен из сумасшедшего дома и сделал карьеру в губернском правлении.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ НАЗВАНИЕ «МЕЛКИЙ БЕС»?

Традиционно сочетание «мелкий бес» употреблялось в составе фразеологизма «рассыпаться мелким бесом» (угождать, льстить, заискивать), в таком контексте оно встречается у Пушкина и Гоголя. По-другому эта формула впервые была использована Лермонтовым в «Сказке для детей»: «То был ли сам великий Сатана / Иль мелкий бес из самых нечиновных». Лермонтов – один из самых важных для Сологуба авторов, а эти строки он цитирует в одной из своих статей, так что данный источник заглавной формулировки бесспорен. Другой, столь же очевидный, – «Бесы» Достоевского, с которым у Сологуба есть и несколько более неочевидных соответствий: например, праздник и маскарад, заканчивающийся пожаром в «Мелком бесе», явно написан с учетом соответствующих сцен в романе-

предшественнике. Более того, в синтетическом образе Передонова есть явные заимствования из облика Ставрогина. С этим отчасти связана и необъяснимая на первом, социально-бытовом уровне романа феноменальная притягательность Передонова в качестве потенциального жениха. Несмотря на своеобразие характера и скромную преподавательскую должность (которая, впрочем, в России 1890-х годов означала довольно значительный гарантированный доход), на его руку и сердце претендуют шесть героинь, описанных по большей части в превосходных тонах, – даже про весьма саркастически нарисованную Варвару говорится: «Тело у нее было прекрасное, как тело у нежной нимфы».

С первых отзывов о романе не прекращалось недоумение по поводу того, какой именно из героев назван «мелким бесом»: чаще всего на эту роль выбирали самого Передонова или его недотыкомку. Но в предисловии ко второму изданию Сологуб недвусмысленно отводит эти версии, перечисляя «мелкого беса» наряду со всеми персонажами, которые могли бы претендовать на эту роль: «Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Руттиловых, Александре Пыльникове и других. О вас». Единственное возможное толкование (притом что этот вопрос не обязан иметь однозначный ответ) состоит в том, что имя это принадлежит аморфному чудовищу, демону, несколько раз появляющемуся на страницах романа и подчиняющему себе волю Передонова в последних главах.

КТО ТАКАЯ НЕДОТЫКОМКА?

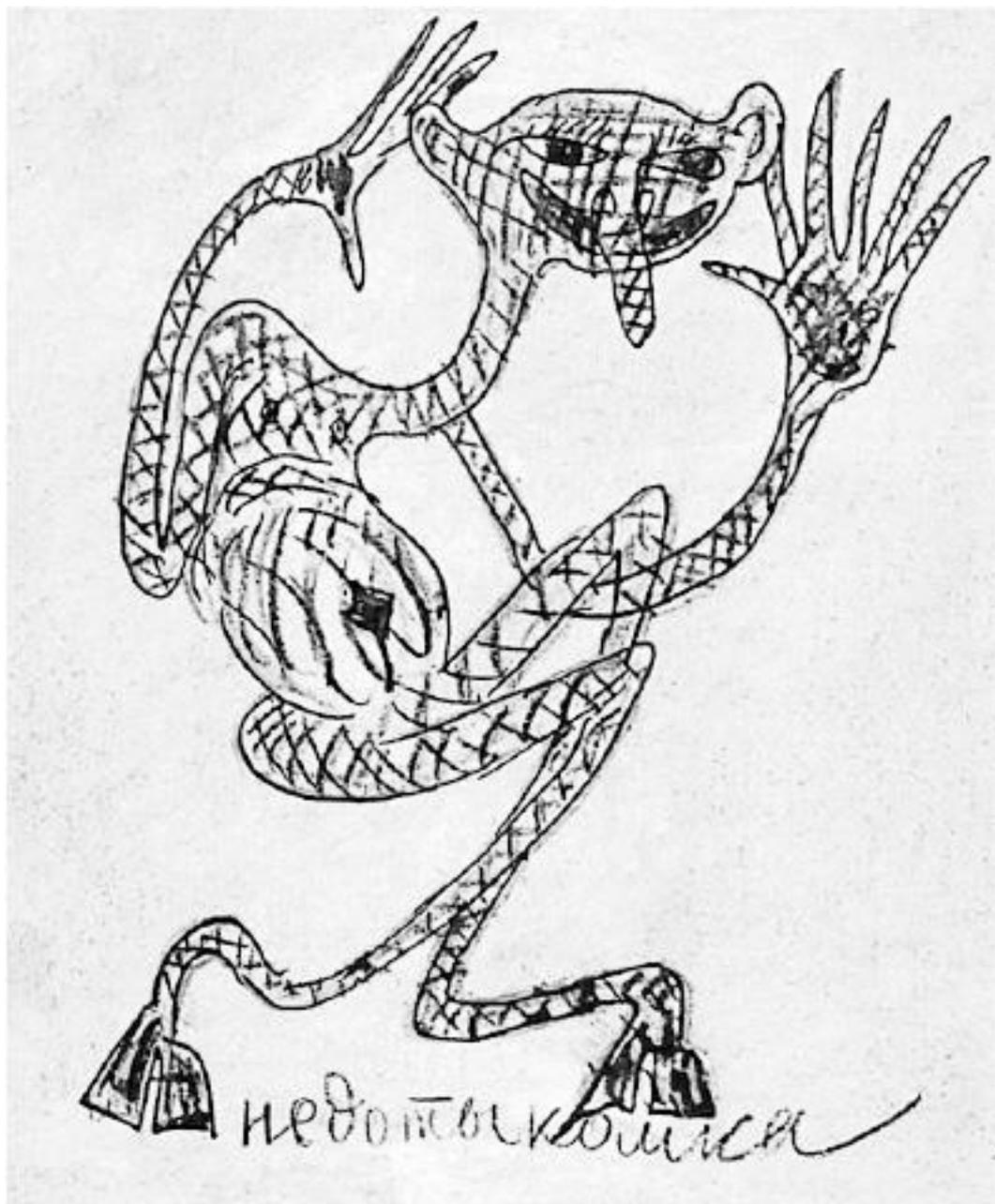
Это слово не придумано Сологубом: еще в 1907 году в рецензии на первое отдельное издание романа Александр Блок, его внимательный читатель, писал: «И вот, на какой-то там странице... появляется странное маленькое существо, называемое *Недотыкомка*. Много и умно говорит о ней критика; Горнфельд пишет о том, что это слово областное, что в толковом словаре оно означает что-то вроде недотроги. Но у Сологуба, как признает и Горнфельд, она обозначает совсем другое. Она бегаёт под стульями, хихикает, появляется и на церковном амвоне, прикидывается тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой...» Впервые Недотыкомка возникает у Сологуба в стихотворении 1899 года, то есть написанном в разгар работы над романом, – и уже там ей приданы основные характеристические черты:

*Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,
—
Помоги мне, таинственный друг!*

Уже тогда, при первой публикации, оно привлекло внимание критики: Дмитрий Философов, друг и соратник Мережковских, в рецензии на сборник Сологуба процитировал его целиком, охарактеризовав как «преисполненное поэзии подлинного кошмара, и прекрасное по форме, стихотворение».

В романе недотыкомка появляется ближе к середине, в двенадцатой главе – и видит ее только Передонов. Это существо неопределенных очертаний: она серая, дымная, иногда синеватая, юркая, умеющая шипеть, позвякивать, смеяться, пищать, хохотать, визжать и хихикать, стонать и реветь; она издает дурной запах. Образ ее тесно связан с огнем: у нее дымное тело и блестящие огоньками глазки, она вспыхивает золотыми искрами; к концу романа она становится пылающей, наподобие огневого змея славянской демонологии. Характерно здесь не только преобладание слуховых характеристик над визуальными (вероятно, это одна из особенностей передоновского помешательства), но и сопряжение недотыкомки с центральной

для сологубовского макрокосма темой пыли. Передонов обладает способностью (напрямую связанной с его безумием) провидеть неочевидную природу вещей и явлений: «Взгляд или был остановлен на чем-то далеком, или странно блуждал. Казалось, что он постоянно всматривается за предмет. От этого предметы в его глазах раздваивались, млели, мережили». От этого окружающая действительность предстает для него чередой угрожающих фантомов, демонов пыли (что странным образом перекликается с устойчивым мотивом собственной сологубовской лирики). Среди навязчивых страхов Передонова – быть смолотым на мельнице, то есть возвратиться в пыль, как ветхий Адам, – и оттого приехавший в город гимназист по фамилии Пыльников становится для него столь нестерпимым напоминанием.

Мстислав Добужинский. Иллюстрация к «Мелкому бесу». 1906–1907 годы⁵

⁵ Мстислав Добужинский. Иллюстрация к «Мелкому бесу». 1906–1907 годы.

ГДЕ ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ РОМАНА?

Город, в котором разворачиваются события «Мелкого беса», ни разу не назван прямо. Вероятно, его типологические черты вобрали опыт десятилетней жизни Сологуба в трех провинциальных городах – Великих Луках, Крестцах и Вытегре. К эпохе учительства в первом из них относятся и все выявленные на сегодняшний день прототипы героев романа: так, в основу истории Передонова положены факты из биографии Ивана Страхова, преподававшего в Великих Луках в 1890-е годы. Он действительно женился на своей сожительнице, которую выдавал за сестру, но своего многолетнего друга Петра Портнаго, учителя столярного дела, который послужил прототипом Володина, он не убивал – хотя и сошел с ума. При этом в романе немногочисленные встречающиеся топонимы имеют нарочито дистанцирующий от возможных параллелей характер: так, например, ближайший город называется Сафат – это явный библеизм, в Ветхом Завете есть несколько действующих лиц с таким именем (так же будет называться река в одном из сологубовских рассказов); впрочем, Сафат-река упоминается и в русских былинах (через нее переправляется сила басурманская). В следующей главе будет названа Рубань, откуда привезли Сашу Пыльникова, – это тоже один из регулярных сологубовских топонимов (он появится в романе «Слаще яда»), но и его значение неясно. (NB: не обыгрывается ли тут город Любань, отстоящий недалеко от Крестцов, где в свое время служил Сологуб?) Характерно, что Передонов в своих горячечных мечтах надеется возглавить народное образование именно в этом месте: «Господин инспектор второго района Рубанской губернии, – бормотал он себе под нос, – его высокородие, статский советник Передонов. Вот как! Знай наших! Его превосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов». Кроме того, в романе упоминается Петербург (где живет княгиня Волчанская) и Париж – где «завелись волшебники да маги». Вероятно, идентификации могло бы помочь тщательное сопоставление деталей изображенного в романе города с реальной топографией знакомых Сологубу мест: так, например, упоминаемая в романе церковь пророка Илии, «построенная еще при царе Михаиле», может восходить к Ильинскому мужскому монастырю в центре Великих Лук, сгоревшему в конце XVI – начале XVII века; в возведенном на его месте Воскресенском храме оставался престол св. пророка Илии. С другой стороны, имя святого, которому посвящена церковь, имеет в романе глубокий символический смысл: на День пророка Илии, покровителя домашнего скота, принято было (в рамках освящения христианским смыслом языческой традиции) закалывать жертвенное животное – это прямо намекает на совершенное Передоновым убийство, жертвой которого пал его похожий на барашка друг. Что лишний раз подчеркивает распространенный тезис, что в великом произведении нет ничего случайного.

Город Крестцы. Начало XX века⁶

КОГДА ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ РОМАНА?

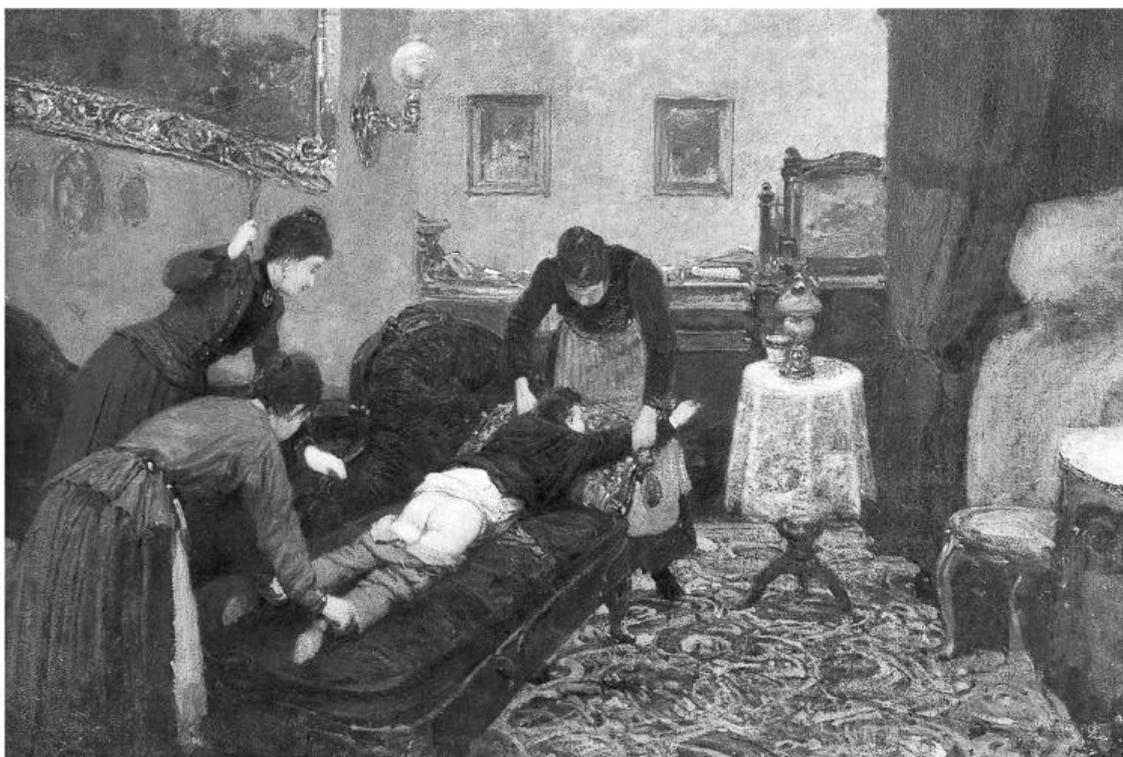
Это довольно сложный вопрос, поскольку датирующих подробностей в тексте немного и главная из них, как ни странно, – время публикации «Человека в футляре» Чехова. Адаменко рекомендует прочесть его Передонову и Володину, последний переспрашивает: «Это что же, статья или роман? <...> Это где же помещено?» Адаменко отвечает: «В “Русской мысли”», а брат ее уточняет: «...В майской книжке...» Любопытно, что брат ошибается – в действительности рассказ был опубликован в седьмом, июльском номере журнала за 1898 год. В черновике «Мелкого беса» вместо «Человека в футляре» значились «Мужики» (напечатаны в той же «Русской мысли», в апрельском номере за 1897 год). Несколько раз в романе упоминается, что действие происходит осенью. Одна из немногих названных дат – День Ильи-пророка (20 июля): Передонов признаётся городскому голове, что в этот день не был в церкви. Таким образом, можно предположить, что действие «Мелкого беса» разворачивается осенью 1898-го, между началом учебного года (поскольку Володин в одной из первых сцен пересказывает недавний педагогический эпизод) и первым снегом: в финальной главе упоминаются «палые, истлевающие, темные листья» и «голые деревья».

ЕСТЬ ЛИ В РОМАНЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ?

Безусловно, причем как минимум двух типов. С одной стороны, это изображенная слегка картонно барышня Адаменко – типичный резонер из позитивистского романа конца XIX века: читательница Чехова, живо интересующаяся постановкой учебного дела в училище и гимназии. Гораздо любопытнее двое других персонажей, олицетворяющих побочную для главного действия, но принципиальную для автора сюжетную линию, – Саша Пыльников и Люд-

⁶ Город Крестцы. Начало XX века. Из открытых источников.

мила Рутилова. В истории их сближения (которое в черновиках было значительно менее безгрешным, чем в итоговом тексте) есть детали, напоминающие искушенному читателю XXI века о набоковской «Лолите»: Людмила, объясняя сестрам свою внезапную страсть, говорит: «Самый лучший возраст для мальчиков... четырнадцать-пятнадцать лет. Еще он ничего не может и не понимает по-настоящему, а уж все предчувствует, решительно все». Объект ее увлечения показан демонстративно андрогинным – не случайно Передонов, с его звериным чутьем, настаивает, что Пыльник – переодетая девочка. Людмила наряжает его в женское платье и умащает благовониями, чтобы вовсе вывести их отношения из сферы пола, очистить от современной грязи: «Обожанием были согреты Людмилины поцелуи, и уже словно не мальчика, словно отрока-бога лобзали ее горячие губы в трепетном и таинственном служении расцветающей Плоты» (вовсе забыть о современности не дают Людмилины сестры, подглядывающие в замочную скважину за этой сценой). Апофеоз этого сюжета – маскарад в общественном собрании, заканчивающийся масштабной реконструкцией древних вакханалий – когда разгоряченные горожане пытаются растерзать наряженного гейшей Сашу и ему чудом удается ускользнуть благодаря вмешательству волшебного помощника, актера Бенгальского.

Павел Ковалевский. Порка. 1880 год⁷

ПОЧЕМУ В РОМАНЕ ТАК МНОГО РОЗОГ?

Тема телесных наказаний – одна из ключевых для «Мелкого беса»; среди подготовительных материалов к нему сохранилось несколько карточек, заполненных синонимическими фразеологизмами: «Задницу в кровь. Пропутешествовать в Нидерланды. Поговорить с няней Розалией. Починить задницу. Проучить, прошколить розгами. Заднего ума прибавить. Посмотреть

⁷ Павел Ковалевский. Порка. 1880 год. Тарусская картинная галерея.

под рубашку. Блох попугать. Угостить, накормить, попотчевать березовой кашей, лапшой», etc. В «Мелком бесе» происходит непрерывный круговорот насилия, сконцентрированного прежде всего вокруг главного героя, причем он редко сам берет в руки розги, но чаще уговаривает родителей или опекунов наказывать гимназистов. Телесные наказания в романе связаны зачастую с тяжеловесной сологубовской эротикой: так, совместные приготовления Передонова и жены нотариуса Гудаевского к наказанию сына последней обставлены как любовное свидание: «От Юлии веяло жаром, и вся она была жаркая, сухая, как лучина. Она иногда хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробегали по всему его телу. Тихохонько, на цыпочках прошли они по коридору, мимо нескольких запертых дверей, и остановились у последней, – у двери в детскую». Эротические коннотации телесных наказаний, своеобразная сологубовская алголагния⁸, были еще более явственны в черновых сценах романа, отброшенных при подготовке к публикации: так, в ранней версии Передонов вместе с прислугой Клавдией вдвоем секли Варвару, гимназист Владя (которому не удалось избежать розог и в беловике) стегал свою старшую сестру Марту, две соседки наказывали Варвару крапивой – и так далее.

Истоки этой темы находятся в биографии писателя, который с детских лет подвергался болезненным наказаниям со стороны властной и жестокой матери. Его ранняя лирика (до последнего времени остававшаяся ненапечатанной) – бесконечная череда рифмованных жалоб на несправедливую порку:

*И на розги гляжу я без страха:
Обломавшись, они
замолчали,
И на мне уже снова
рубаха,
И рыданья мои отзвучали.*

Процитированные строки написаны в 1891 году, когда автору было двадцать восемь лет: он работал учителем, жил вместе с матерью – и до этих пор бывал наказан за малейшую, а то и мнимую провинность. Из писем его к сестре видно, как рождается круговорот насилия, позже тщательно перенесенный им в роман: «В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я и не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после сего я уже не смел упрячиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаше» (Сабуров – один из его учеников). Домашнее и школьное насилие регулярно встречается и в прозе Сологуба, порождая череду его специфических героев, «тихих» или «белых» мальчиков. Вообще тема телесных наказаний – одна из ключевых для русской бытописательной литературы середины – второй половины XIX века: розги, формально изъяты из педагогической практики в 1864 году, в действительности оставались в обиходе еще долгие десятилетия.

⁸ Получение сексуального удовольствия от причинения боли половому партнеру или от боли, которую причиняет партнер. Термин предложен немецким врачом Альбертом фон Шренк-Нотцингом в 1892 году. Он разделял алголагнию на активную (сидизм) и пассивную (мазохизм).

ЭТИ СТРАННЫЕ КОТЫ – НЕ ОБОРОТНИ ЛИ?

Зыбкость мира, изображенного в романе, накладывает специфические черты на многие появляющиеся там сущности. Передонов, в частности, боится за свой онтологический статус, настойчиво подозревая, что его отравят и подменят Володиным, который женится на Варваре и займет выхлопотанное ею место. Фантомна княгиня Волчанская, фамилия которой не зря созвучна волку, традиционному обличью оборотней: до последнего момента она присутствует в романе только в упоминаниях – но уже к последним главам, когда общий градус безумия нарастает, она появляется в воображении Передонова: «...в ярком и злом смятении искр поднялась из огня княгиня, маленькая, пепельно-серая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками: она пронзительно вопила тонким голоском, шипела и плевала на огонь». (Вся линия княгини, с постоянно поддерживаемой темой ее ветхого сладострастия, восходит к соответствующим эпизодам из «Пиковой дамы» – не случайно Передонов бормочет в бреду: «Пиковая дама все ко мне лезет, в тиковом капоте».) Особенно склонны к трансфигурации животные – полупрозрачная змея, поднимающаяся из дорожной пыли или глаз-птица: «один глаз и два крыла, а больше ничего и нету». Но первое место среди них занимают коты.

«Толстый, белый, некрасивый» кот живет в доме Передонова и служит ему объектом бесконечных издевательств – тот гладит его против шерсти, дует в глаза, дергает за хвост. Но со временем жертва сама становится охотником – и в какой-то момент, приняв человеческий облик, заявляется к Передоновым: «Среди гостей был один, с рыжими усами, молодой человек, которого даже и не знал Передонов. Необычайно похож на кота. Не их ли это кот обернулся человеком? Недаром этот молодой человек все фыркает, – не забыл кошачьих ухваток». Подозревая, что его магические способности кроются в шерсти, Передонов, взяв кота на поводок, ведет в цирюльню, чтобы обрить его наголо, но парикмахер обиженно отказывается. С этих минут кот преследует бывшего хозяина почти постоянно: «Иногда он подмигивал, иногда страшно мяукал. Видно было сразу, что он хочет подловить в чем-то Передонова, да только не может, и потому злится». Не оставляя его в преображенном галлюцинациями мире, он мстит ему и в природном, и в человеческом виде: «Кот вырос до страшных размеров, стучал сапогами и прикидывался рыжим рослым усачом». В финальной сцене кот, явившийся в горницу в момент убийства Володина, нюхает пролившуюся кровь и злобно мяукает.

Мелкий бес

Мелкий бес

Предисловие автора ко второму изданию

Роман «Мелкий бес» начат в 1892 году, окончен в 1902 году. Первый раз напечатан в журнале «Вопросы жизни» за 1905 год, №№ 6–11, но без последних глав. В полном виде роман появился первый раз в издании «Шиповника» в марте 1907 года.

В печатных отзывах и в устных, которые мне пришлось выслушать, я заметил два противоположные мнения.

Одни думают, что автор, будучи очень плохим человеком, пожелал дать свой портрет и изобразил себя в образе учителя Передонова. Вследствие своей искренности автор не пожелал ничем себя оправдать и прикрасить и потому размазал свой лик самыми черными красками. Совершил он это удивительное предприятие для того, чтобы взойти на некую Голгофу и там для чего-то пострадать. Получился роман интересный и безопасный.

Интересный потому, что из него видно, какие на свете бывают нехорошие люди. Безопасный потому, что читатель может сказать: «Это не про меня писано».

Другие, не столь жестокие к автору, думают, что изображенная в романе передоновщина – явление довольно распространенное.

Некоторые думают даже, что каждый из нас, внимательно в себя всмотревшись, найдет в себе несомненные черты Передонова.

Из этих двух мнений я отдаю предпочтение тому, которое для меня более приятно, а именно второму. Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя; все анекдотическое, бытовое и психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно «натуры» вокруг себя. И если работа над романом была столь продолжительна, то лишь для того, чтобы случайное возвести к необходимому, чтобы там, где царствовала рассыпающаяся анекдоты Айса, воцарилась строгая Ананке.

Правда, люди любят, чтобы их любили. Им нравится, чтоб изображались возвышенные и благородные стороны души. Даже и в злодеях им хочется видеть проблески блага, «искру Божию», как выражались в старину. Потому им не верится, когда перед ними стоит изображение верное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать:

– Это он о себе.

Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутитовых, Александре Пыльникове и других. О вас.

Этот роман – зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно.

Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны.

Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно.

Январь 1908 года

Предисловие к пятому изданию

Мне казалось когда-то, что карьера Передонова закончена и что уж не выйти ему из психиатрической лечебницы, куда его поместили после того, как он зарезал Володина. Но в последнее время до меня стали доходить слухи о том, что умоповреждение Передонова оказалось временным и не помешало ему через некоторое время очутиться на свободе, – слухи, конечно, мало вероятные. Я упоминаю о них только потому, что в наши дни и невероятное случается. Я даже прочитал в одной газете, что я собираюсь написать вторую часть «Мелкого беса».

Я слышал, будто бы Варваре удалось убедить кого-то, что Передонов имел основание поступить так, как он поступил, – что Володин не раз произносил возмутительные слова и обнаруживал возмутительные намерения, – и что перед своею смертью он сказал нечто неслыханно-дерзкое, что и повлекло роковую развязку. Этим рассказом Варвара, говорили мне, заинтересовала княгиню Волчанскую, и княгиня, которая раньше все забывала замолвить слово за Передонова, теперь будто бы приняла живое участие в его судьбе.

Что было с Передоновым по выходе его из лечебницы, об этом мои сведения неясны и противоречивы. Одни мне говорили, что Передонов поступил на службу в полицию, как ему и советовал Скучаев, и был советником губернского правления. Чем-то отличился в этой должности и делает хорошую карьеру.

От других же я слышал, что в полиции служил не Ардальон Борисович, а другой Передонов, родственник нашего. Самому же Ардальону Борисовичу на службу поступить не удалось или не захотелось; он занялся литературною критикою. В статьях его сказываются те черты, которые отличали его и раньше.

Этот слух кажется мне еще неправдоподобнее первого.

Впрочем, если мне удастся получить точные сведения о позднейшей деятельности Передонова, я расскажу об этом достаточно подробно.

#Август 1909 г.#

Диалог

#к седьмому изданию#

- Душа моя, чем ты так смущена?
- Ненавистью, которая окружает имя автора «Мелкого беса». Многие, такие различные в остальном, сошлись в этом.
- Прими смиренно злость и брань.
- Но разве этот наш труд не достоин того, чтобы нас благодарили? Откуда же ненависть?
- Эта ненависть подобна испугу. Ты слишком громко будишь совесть, ты слишком откровенна.
- Но разве нет пользы в моей правдивости?
- Ты ждешь комплиментов! Но ведь здесь не Париж.
- О, да, не Париж!
- Ты, душа моя, истинная парижанка, дитя европейской цивилизации. Ты пришла в нарядном платье и в легких сандалиях туда, где носят косоворотки и смазные сапоги. Не удивляйся же тому, что смазной сапог порою грубо наступит на твою нежную ногу. Его обладатель – честный малый.
- Но такой угрюмый! И такой неловкий!

Май 1913

#Предисловие#
к седьмому изданию

Внимательные читатели моего романа «Дым и Пепел» (четвертая часть «Творимой Легенды»), конечно, уже знают, какую дорогою идет теперь Ардальон Борисович.

Май 1913 г.

Мелкий бес

Роман

Я эжечь ее хотел, колдунью злую...

I

После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.

Гимназический учитель Передонов, стоя в кругу своих приятелей, угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за очков в золотой оправе, говорил им:

– Сама княгиня Волчанская обещала Варе, уж это наверное. Как только, говорит, выйдете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

– Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? – спросил краснолицый Фаластов, – ведь она же тебе сестра! Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушно-сонное лицо Передонова сделалось свирепым.

– Троюродная... – буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

– Да тебе самому княгиня обещала? – спросил щеголевато-одетый, бледный и высокий Рutilов.

– Не мне, а Варе, – ответил Передонов.

– Ну вот, а ты и веришь, – оживленно говорил Рutilов. – Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

– Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали княгини, всего на пять минут опоздали, – рассказывал Передонов, – она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

– Сомнительно что-то, – сказал Рutilов и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался с ним один Рutilов.

– Конечно, – сказал Передонов, – я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

– Само собою, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, – подтвердил Рutilов.

Они вышли из ограды и медленно проходили по площади, немощёной и пыльной. Передонов сказал:

– Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

– Ну, что ж княгиня! – сказал Рutilов. – Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, – окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя!

– Это верно... – раздумчиво согласился Передонов.

– Ты так Варваре и скажи, – уговаривал Рutilов. – Сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, – три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

– Ну, – промычал Передонов.

– Верно. Что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рutilов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха. Рutilов говорил:

– Растереть да бросить, – вот и Варвара твоя. Она и мои сестры – это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, – любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые – самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутитов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, – но он, высокий, узкогрудый, казался чахлым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модной, как-то жалко торчали жидкие, коротко-остриженные светлые волосы.

– Ну, уж и втрое, – вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

– Да уж верно! – воскликнул Рутитов. – Смотри, не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже с гонором, – потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

– Да, в меня здесь все влюбляются, – с угрюмым самохвальством сказал Передонов.

– Ну, вот видишь, вот ты и лови момент, – убеждал Рутитов.

– Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, – с тоскою в голосе сказал Передонов. – Жирненькую бы мне.

– Да уж на этот счет ты не беспокойся, – горячо говорил Рутитов. – Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрееют, как старшая. Лариса-то у нас, сам знаешь, какая кулебяка стала.

– Я бы женился, – сказал Передонов, – да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

– Боишься скандала, так ты вот что сделай, – с хитрою улыбкою сказал Рутитов, – сегодня же венчайся, не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю, завтра же вечером? С какою хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

– Ну, идет? по рукам, что ли? – спросил Рутитов. Передонов так же внезапно перестал смеяться и угрюмо сказал, тихо, почти шепотом:

– Донесет, мерзавка.

– Ничего не донесет, нечего доносить, – убеждал Рутитов.

– Или отравит, – боязливо шептал Передонов.

– Да уж ты во всем на меня положишься, – горячо уговаривал его Рутитов, – я все так тонко обстрою тебе...

– Я без приданого не женюсь, – сердито крикнул Передонов.

Рутитова несколько не удивил новый скачок в мыслях угрюмого собеседника. Он возразил все с тем же одушевлением:

– Чудак, да разве они бесприданницы! Ну, что же, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только чур, никому ни гу-гу, слышишь, никому!

Он потряс руку Передонова и побегал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутитовы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, – оно появилось на миг и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С княгиней-то как же? – подумал он. – За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в инспекторы попадешь, а потом и директором сделают».

Он посмотрел вслед суетливо-убегающему Рутитову и злорадно подумал:

«Пусть побегает».

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он один, – он надвинул шляпу на лоб, нахмурил светлые брови, и торопливо отправился домой по немощёным, пустынным улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами да жерухую, травую, затопанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим и быстрым голосом:

– Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза, и сердито посмотрел за изгородь. В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папироску в черешневом темном мундштуке и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно и показывала руками, – входи, мол, чего стоишь.

И вошел Передонов, подчиняясь ее словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились обломки сухих веток, – и посмотрел на часы.

– Завтракать пора, – проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что можно побыть немного. Угрюмо шел он за Вершиною по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника.

Сад желтел и пестрел плодами да поздними цветами. Было тут много плодовых и простых деревьев да кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистые груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. На бузиновых кустах краснели ягоды. Около забора густо цвела сибирская герань – мелкие бледно-розовые цветки с пурпуровыми жилками. Остропестро выставляло из-под кустов свои колючие пурпуровые головки. В стороне стоял деревянный дом, маленький, серенький, в одно жилье, с широкою обеденкою в сад. Он казался милым и уютным. А за ним виднелась часть огорода. Там качались сухие коробочки мака да беложелтые крупные чепчики ромашки, желтые головки подсолнечника никли перед увяданием, и между полезными зелиями поднимались зонтики: белые у кокорыша и бледно-пурпуровые у цикутного аистника, цвели светло-желтые лютики да невысокие молочаи.

– У обедни были? – спросила Вершина.

– Был, – угрюмо ответил Передонов.

– Вот и Марта только что вернулась, – рассказывала Вершина. – Она часто в нашу церковь ходит. Уж я и то смеюсь: для кого это, говорю, вы, Марта, в нашу церковь ходите? Краснеет, молчит. Пойдемте, в беседке посидимте, – сказала она быстро и без всякого перехода от того, что говорила раньше.

Среди сада, в тени развесистых кленов, стояла старенькая, серенькая беседка, – три ступеньки вверх, обомшалый помост, низенькие стены, шесть точеных, пузатых столбов и шестискатная кровелька.

Марта сидела в беседке, еще принаряженная от обедни. На ней было светлое платье с бантиками, но оно к ней не шло. Короткие рукава обнажали островатые красные локти, сильные и большие руки. Марта была, впрочем, недурна. Веснушки не портили ее. Она слыла даже за хорошенькую, особенно среди своих, поляков, – их жило здесь немало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпеливо хотела, чтобы Передонов посмотрел на нее и пришел в восхищение. Это желание выдавало себя на ее простодушном лице выражением беспокойной приветливости. Впрочем, оно вытекало не из того, чтобы Марта была влюблена в Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, – и Марте хотелось угодить Вершиной, у которой она жила несколько месяцев, со дня похорон старика мужа Вершиной, – угодить за себя и за брата-гимназиста, который тоже гостил здесь.

Вершина и Передонов вошли в беседку. Передонов сумрачно поздоровался с Мартою и сел, – выбрал такое место, чтобы спину защищал от ветра столб и чтобы в уши не надудло сквозняком. Он посмотрел на Мартины желтые башмаки с розовыми помпончиками, и подумал, что его ловят в женихи. Это он всегда думал, когда видел барышень, любезных с ним. Он замечал в Марте только недостатки – много веснушек, большие руки и с грубою кожей. Он

знал, что ее отец, шляхтич, держал в аренде маленькую деревушку верстах в шести от города. Доходы малые, детей много: Марта кончила прогимназию, сын учился в гимназии, другие дети были еще меньше.

– Пивка позволите вам налить? – быстро спросила Вершина.

На столе стояли стаканы, две бутылки пива, мелкий сахар в жестяной коробке, ложечка мелихиоровая, замоченная пивом.

– Выпью, – отрывисто сказал Передонов.

Вершина посмотрела на Марту. Марта налила стакан, подвинула его Передонову, и при этом на ее лице играла странная улыбка, не то испуганная, не то радостная. Вершина сказала быстро, точно просыпала слова:

– Положите сахару в пиво.

Марта подвинула к Передонову жестянку с сахаром. Но Передонов досадливо сказал:

– Нет, это гадость – с сахаром.

– Что вы, вкусно, – однозвучно и быстро уронила Вершина.

– Очень вкусно, – сказала Марта.

– Гадость, – повторил Передонов и сердито поглядел на сахар.

– Как хотите, – сказала Вершина, и тем же голосом, без остановки и перехода, заговорила о другом. – Черепнин мне надоедает, – сказала она и засмеялась.

Засмеялась и Марта. Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никакого участия в чужих делах, – не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи со своими выгодами и удовольствиями. Вершина самодовольно улыбнулась и сказала:

– Думает, что я выйду за него.

– Ужасно дерзкий, – сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить и польстить Вершиной.

– Вчера у окна подсматривал, – рассказывала Вершина. – Забрался в сад, когда мы ужинали. Кадка под окнами стояла, мы подставили под дождь, – целая натекла. Покрыта была доской, воды не видно, он влез на кадку, да и смотрит в окно. А у нас лампа горит, – он нас видит, а мы его не видим. Вдруг слышим шум. Испугались сначала, выбегаем. А это он провалился в воду. Однако вылез до нас, убежал весь мокрый, – по дорожке так мокрый след. Да мы и по спине узнали.

Марта смеялась тоненьким, радостным смехом, как смеются благонравные дети. Вершина рассказала все быстро и однообразно, словно высыпала, – как она всегда говорила, – и разом замолчала, сидела и улыбалась краем рта, и оттого все ее смуглое и сухое лицо пошло в складки и черноватые от курева зубы слегка приоткрылись. Передонов подумал и вдруг захотел. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, – медленны и тупы были его восприятия.

Вершина курила папиросу за папиросою. Она не могла жить без табачного дыма перед ее носом.

– Скоро соседями будем, – объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова и сейчас же опять отвела глаза в сад.

– Переезжаете? – спросила Вершина. – Отчего же?

– Далеко от гимназии, – объяснил Передонов. Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

– Да ведь вы там уже давно живете, уже несколько лет, – сказала она.

– Да и хозяйка стерва, – сердито сказал Передонов.

– Будто? – недоверчиво спросила Вершина и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.

– Наклеила новые обои, да скверно, – рассказывал он. – Не подходит кусок к куску. Вдруг в столовой над дверью совсем другой узор, вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет совсем не тот. Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется. И все смеются.

– Еще бы, такое безобразие, – согласилась Вершина.

– Только мы ей не говорим, что мы выедем, – сказал Передонов и при этом понизил голос. – Найдем квартиру и поедем, а ей не говорим.

– Само собой, – сказала Вершина.

– А то будет, пожалуй, скандалить, – говорил Передонов, и в глазах его отразилось пугливое беспокойство. – Да еще плати ей за месяц, за такую-то гадость.

Передонов захохотал от радости, что выедет и за квартиру не заплатит.

– Стребует, – заметила Вершина.

– Пусть требует, я не отдам, – сердито сказал Передонов. – Мы в Питер ездили, так не пользовались это время квартирою.

– Да ведь квартира-то за вами оставалась, – сказала Вершина.

– Что ж такое! Она должна ремонт делать, так разве мы обязаны платить за то время, пока не живем? И главное, она ужасно дерзкая.

– Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа, – сказала Вершина с легкою заминкою на слове «сестрица».

Передонов нахмурился и тупо глядел перед собою полусонными глазами. Вершина заговорила о другом. Передонов вытащил из кармана карамельку, очистил ее от бумажки и принялся жевать. Случайно взглянул он на Марту и подумал, что она завидует и что ей тоже хочется карамельки.

«Дать ей или не давать? – думал Передонов. – Не стоит она. Или уж разве дать, – пусть не думают, что мне жалко. У меня много – полны карманы».

И он вытащил горсть карамели.

– Натя, – сказал он и протянул леденцы сначала Вершиной, потом Марте, – хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачены.

Они взяли по одной. Он сказал:

– Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, – я худого есть не стану.

– Благодарю вас, я не хочу больше, – сказала Вершина быстро и невыразительно.

И те же слова за нею повторила Марта, но как-то нерешительно. Передонов недоверчиво посмотрел на Марту и сказал:

– Ну, как не хотеть! Натя.

И он взял из горсти одну карамельку себе, а остальные положил перед Мартою. Марта молча улыбнулась и наклонила голову.

«Невежа, – подумал Передонов, – не умеет поблагодарить хорошенько».

Он не знал, о чем говорить с Мартою. Она была ему нелюбопытна, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения.

Остальное пиво было вылито в стакан Передонову. Вершина глянула на Марту.

– Я принесу, – сказала Марта.

Она всегда без слов догадывалась, чего хочет Вершина.

– Пошлите Владю, он в саду, – сказала Вершина.

– Владислав! – крикнула Марта.

– Здесь, – отозвался мальчик так близко и так скоро, точно он подслушивал.

– Пива принеси, две бутылки, – сказала Марта, – в сенях, в ларе.

Скоро Владислав подбежал бесшумно к беседке, подал через окно Марте пиво и поклонился Передонову.

– Здравствуйте, – хмуро сказал Передонов, – пива сколько бутылок сегодня выдудили?

Владислав принужденно улыбнулся и сказал:

– Я не пью пива.

Это был мальчик лет четырнадцати, с веснучатым, как у Марты, лицом, похожий на сестру, неловкий, мешкотный в движениях. Одет он был в блузу сурового полотна.

Марта шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов подозрительно посматривал на них. Когда при нем смеялись и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним смеются. Вершина забеспокоилась. Уже она хотела окликнуть Марту. Но сам Передонов спросил злым голосом:

– Чему смеетесь?

Марта вздрогнула, повернулась к нему и не знала, что сказать. Владислав улыбался, глядя на Передонову, и слегка краснел.

– Это невежливо, при гостях, – выговаривал Передонов. – Надо мной смеетесь? – спросил он.

Марта покраснела, Владислав испугался.

– Извините, – сказала Марта, – мы вовсе не над вами. Мы о своем.

– Секрет, – сердито сказал Передонов. – При гостях невежливо о секретах разговаривать.

– Да не то что секрет, – сказала Марта, – а мы тому, что Владя босиком и не может войти сюда, – стесняется.

Передонов успокоился, стал выдумывать шутки над Владею, потом угостил и его карамелью.

– Марта, принесите мой черный платок, – сказала Вершина, – да загляните заодно в кухню, как там пирог.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочет говорить с Передоновым, и была рада, ленивая, что не к спеху.

– А ты иди подальше, – сказала Вершина Владе, – нечего тебе тут болтаться.

Владя побежал, и слышно было, как песок шуршит под его ногами. Вершина осторожно и быстро посмотрела вбок на Передонову сквозь непрерывно выпускаемый ею дым. Передонов сидел молча, глядел прямо перед собою затуманенным взором и жевал карамельку. Ему было приятно, что те ушли, – а то, пожалуй, опять бы засмеялись. Хотя он и узнал наверное, что смеялись не над ним, но в нем осталась досада, – так после прикосновения жгучей крапивы долго остается и возрастает боль, хотя уже крапива и далече.

– Что вы не женитесь, – вдруг часто и быстро заговорила Вершина. – Чего еще ждете, Ардальон Борисыч! Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов провел рукою по слегка растрепанным каштанового цвета волосам и с угрюмою важностью молвил:

– Здесь для меня и нет пары.

– Не скажите, – возразила Вершина и криво улыбнулась. – Здесь есть много лучшее ее, и за вас всякая пойдет.

Она стряхнула пепел с папиросы решительным движением, словно поставила на чем-то утвердительный знак.

– Всякой мне не надо, – ответил Передонов.

– Не о всякой и речь, – быстро говорила Вершина. – Да вам ведь не за приданным гнаться, была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

– Нет, – возразил Передонов, – мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня протекцию обещала. Она даст мне хорошее место, – говорил Передонов с угрюмым одушевлением.

Вершина слегка улыбалась. Все ее морщинистое и темное, словно прокопченное табаком, личико выражало снисходительную недоверчивость. Она спросила:

– Да вам она говорила это, княгиня-то?

С ударением на слове «вам».

– Не мне, а Варваре, – признался Передонов, – да это все равно.

– Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы, – злорадно говорила Вершина. – Ну, а скажите, она много старше вас? Лет на пятнадцать? Или больше? Ведь ей под пятьдесят?

– Ну, где там, – досадливо сказал Передонов, – тридцати еще нет.

Вершина засмеялась.

– Скажите, пожалуйста, – с нескрываемою насмешкою в голосе сказала она, – а на вид она гораздо старше вас. Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам.

Передонов самодовольно оглядывал себя. Но не было улыбки на его румянном лице, и казалось, что он обижен тем, что не все его понимают, как Вершина. А Вершина продолжала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.